

Записка Петра Дурново царю Николаю II

Данный материал настоятельно рекомендуем к прочтению. Было бы неплохо, если бы смысл послания Дурново поняли нынешние псевдопатриоты, псевдонационалисты и псевдоисторики, на каждом углу без устали повторяющие друг за другом свои благоглупости: «война до победного конца», «Дарданеллы были б наши», «Россия проиграла проигравшей стране», «нам не дали вкусить победу», «ах, если бы не эти ужасные большевики» и прочую чушь. Они готовы оправдывать любые дурные решения и поступки царей, обхаивать и обгаживать самые полезные и дальновидные программы Ленина и большевиков. На самом деле новоявленные горлопаны и крикуны – это обслуживающий персонал сегодняшних олигархов. Они, как правило, ценят только свою жизнь, свое потребление и своё тёпленькое место, и ни в грош не ставят жизни простых солдат, крестьян, рабочих, инженеров, врачей и т.д. Для лизоблудствующих выскочек и «всезнаек» они всего-навсего расходный материал, призванный ежедневно своими смертями доказывать правоту их геополитических надуманных схем и раскладов.

Записка была подана в феврале 1914 года, т.е. еще до начала Первой мировой войны. Этот документ представляет собой самое яркое доказательство того факта, что монархисты-черносотенцы прекрасно понимали суть происходивших событий, видели их причины и угадывали последствия. ПРАВЫЕ БЫЛИ ПРАВЫ. Но они, к сожалению, были в меньшинстве среди политической элиты кануна революции, которая в целом жаждала перемен. Многие прозрели, когда вынуждены были бежать из объятий пламенем страны, там, на чужбине, поняли они то, что монархист Дурново понимал еще в 1914 году. Записка представляет ценность и как геополитический трактат русского мыслителя, развивающего идею континентального блока, характерную для русской традиции геополитики. Документ был впервые опубликован в СССР в журнале «Красная новь» (1922, N 6). Биографический очерк П.Н.Дурново дается в конце текста.

БУДУЩАЯ АНГЛО-ГЕРМАНСКАЯ ВОЙНА ПРЕВРАТИТСЯ В ВООРУЖЕННОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ МЕЖДУ ДВУМЯ ГРУППАМИ ДЕРЖАВ

Центральным фактором переживаемого нами периода мировой истории является соперничество Англии и Германии. Это соперничество неминуемо должно привести к вооруженной борьбе между ними, исход которой, по всей вероятности, будет смертельным для побежденной стороны. Слишком уж несовместимы интересы этих двух государств, и одновременное великодержавное их существование, рано или поздно, окажется невозможным. Действительно, с одной стороны, островное государство, мировое значение которого зиждется на владычестве над морями, мировой торговле и бесчисленным колониям. С другой стороны – мощная континентальная держава, ограниченная территория которой недостаточна для возросшего населения. Поэтому она прямо и открыто заявила, что будущее ее на морях, со сказочной быстротой развила огромную мировую торговлю, построила, для ее охраны, грозный военный флот и знаменитой маркой Made in Germany создала смертельную опасность промышленно-экономическому благосостоянию соперницы. Естественно, что Англия не может сдаться без боя, и между нею и Германией неизбежна борьба не на жизнь, а на смерть. Предстоящее в результате отмеченного соперничества вооруженное столкновение ни в коем случае не может свестись к единоборству Англии и Германии. Слишком уж не равны их силы и, вместе с тем, недостаточно уязвимы они друг для друга. Германия может вызвать восстание в Индии, в Южной Америке и в особенности опасное восстание в Ирландии, парализовать путем каперства, а может быть, и подводной войны, английскую морскую торговлю и тем создать для Великобритании продовольственные затруднения, но, при всей смелости германских военачальников, едва ли они рискнут на высадку в Англии, разве счастливый случай поможет им уничтожить или заметно ослабить английский военный флот. Что же касается Англии, то для нее Германия совершенно неуязвима. Все, что для нее доступно – это захватить германские колонии, прекратить германскую морскую торговлю, в самом благоприятном случае, разгромить германский военный флот, но и только, а этим вынудить противника к миру нельзя. Несомненно, поэтому, что Англия постарается прибегнуть к не раз с успехом испытанному ею средству и решиться на вооруженное выступление не иначе, как обеспечив участие в войне на своей стороне стратегически более сильных держав. А так как Германия, в свою очередь, несомненно, не окажется изолированной, то будущая англо-германская война превратится в вооруженное между двумя группами держав столкновение, придерживающимися одна германской, другая английской ориентации.

**ТРУДНО УЛОВИТЬ КАКИЕ-ЛИБО РЕАЛЬНЫЕ ВЫГОДЫ, ПОЛУЧЕННЫЕ
РОССИЕЙ В РЕЗУЛЬТАТЕ СБЛИЖЕНИЯ С АНГЛИЕЙ**

До русско-японской войны русская политика не придерживалась ни той, ни другой ориентации. Со времени царствования императора Александра III Россия находилась в оборонительном союзе с Францией, настолько прочном, что им обеспечивалось совместное выступление обоих государств, в случае нападения на одно из них, но, вместе с тем, не настолько тесном, чтобы обязывать их непременно поддерживать вооруженною рукою все политические выступления и домогательства союзника. Одновременно русский двор поддерживал традиционно дружественные, основанные на родственных связях, отношения с Берлинским. Именно, благодаря этой конъюнктуре, в течение целого ряда лет мир между великими державами не нарушался, несмотря на обилие наличного в Европе горячего материала. Франция союзом с Россией обеспечивалась от нападения Германии, эта же последняя испытанным миролюбием и дружбою России от стремлений к реваншу со стороны Франции, Россия необходимостью для Германии поддерживать с нею добрососедские отношения – от чрезмерных происков Австро-Венгрии на Балканском полуострове. Наконец, изолированная Англия, сдерживаемая соперничеством с Россией в Персии, традиционными для английской дипломатии опасениями нашего наступательного движения на Индию и дурными отношениями с Францией, особенно сказавшимися в период известного инцидента с Фашодою, с тревогою взирала на усиление морского могущества Германии, не решаясь, однако, на активное выступление.

Русско-японская война в корне изменила взаимоотношения великих держав и вывела Англию из ее обособленного положения. Как известно, во все время русско-японской войны, Англия и Америка соблюдали благоприятный нейтралитет по отношению к Японии, между тем как мы пользовались столь же благожелательным нейтралитетом Франции и Германии. Казалось бы, здесь должен был быть зародыш наиболее естественной для нас политической комбинации. Но после войны наша дипломатия совершила крутой поворот и определенно стала на путь сближения с Англией. В орбиту английской политики была втянута Франция, образовалась группа держав тройственного согласия, преобладающим в ней влиянием Англии, и столкновение с группирующимися вокруг Германии державами сделалось, рано или поздно, неизбежным.

Какие же выгоды сулили и сулят нам отказ от традиционной политики недоверия к Англии и разрыв испытанных если не дружественных, то добрососедских отношений с Германией?

Сколько-нибудь внимательно вдумываясь и присматриваясь к происшедшим после Портсмутского договора событиям, трудно уловить какие-либо реальные выгоды, полученные нами в результате сближения с Англией. Единственный плюс – улучшившиеся отношения с Японией – едва ли является последствием русско-английского сближения. В сущности, Россия и Япония созданы для того, чтобы жить в мире, так как делить им решительно нечего. Все задачи России на Дальнем Востоке, правильно понятые, вполне совместимы с интересами Японии. Эти задачи, в сущности, сводятся к очень скромным пределам. Слишком широкий размах фантазии зарвавшихся исполнителей, не имевший под собой почвы действительных интересов государственных – с одной стороны, чрезмерная нервность и впечатлительность Японии, ошибочно принявшей эти фантазии за последовательно проводимый план, с другой стороны, вызвали столкновение, которое более

искусная дипломатия сумела бы избежать. России не нужна ни Корея, ни даже Порт-Артур. Выход к открытому морю, несомненно, полезен, но ведь море, само по себе, не рынок, а лишь путь для более выгодной доставки товаров на потребляющие рынки. Между тем у нас на Дальнем Востоке нет и долго не будет ценностей, сулящих сколько-нибудь значительные выгоды от их отпуска за границу. Нет там и рынков для экспорта наших произведений. Мы не можем рассчитывать на широкое снабжение предметами нашего вывоза ни развитой, и промышленно, и земледельчески, Америки, ни небогатой и также промышленной Японией, ни даже приморского Китая и более отдаленных рынков, где наш экспорт неминуемо встретился бы с товарами промышленно более сильных держав-конкурентов.

Остается внутренний Китай, с которым наша торговля преимущественно ведется сухим путем. Таким образом, открытый порт более способствовал бы ввозу к нам иностранных товаров, нежели вывозу наших отечественных произведений. С другой стороны и Япония, что бы ни говорили, не зарится на наши дальневосточные владения. Японцы, по природе своей, народ южный, и суровые условия нашей дальневосточной окраины их не могут прельстить. Известно, что и в самой Японии северный Иезо населен слабо; по-видимому, и на отошедшей по Портсмутскому договору к Японии южной части Сахалина Японская колонизация идет малоуспешно. Завладев Кореею и Формозою, Япония севернее едва ли пойдет, и ее вождения, надо полагать, скорее будут направлены в сторону Филиппинских островов, Индокитая, Явы, Суматры и Борнео. Самое большое, к чему она, быть может, устремились бы – это к приобретению, в силу чисто коммерческих соображений, некоторых дальнейших участков Маньчжурской железной дороги.

Словом, мирное сожительство, скажу более, тесное сближение России и Японии на Дальнем Востоке вполне естественно, помимо всякого посредничества Англии. Почва на соглашение напрашивается сама собою. Япония страна небогатая, содержание одновременно сильной армии и могучего флота для нее затруднительно. Островное ее положение толкает ее на путь усиления именно морской своей мощи. Союз с Россией даст возможность все свое внимание сосредоточить на флоте, столь необходимом при зародившемся уже соперничестве с Америкой, предоставив защиту интересов своих на материке России. С другой стороны, мы, располагая японским флотом для морской защиты нашего Тихоокеанского побережья, имели бы возможность навсегда отказаться от непосильной для нас мечты о создании военного флота на Дальнем Востоке. Таким образом, в смысле взаимоотношений с Японией, сближение с Англией, никакой реальной выгоды нам не принесло. Не дало оно нам ничего и в смысле упрочения нашего положения ни в Маньчжурии, ни в Монголии, ни даже в Урянхайском крае, где неопределенность нашего положения свидетельствует о том, что соглашение с Англией, во всяком случае, рук нашей дипломатии не развязало. Напротив того, попытка наша завязать сношения с Тибетом встретила со стороны Англии резкий отпор.

Не к лучшему, со времени соглашения, изменилось наше положение в Персии. Всем памятно преобладающее влияние наше в этой стране при Шахе Наср-Эдине, то есть, как раз в период наибольшей обостренности наших отношений с Англией. С момента сближения с этой последнею, мы

оказались вовлеченными в целый ряд непонятных попыток навязывания персидскому населению совершенно ненужной ему конституции, и, в результате, сами способствовали свержению преданного России монарха, в угоду закоренелым противникам. Словом, мы не только ничего не выиграли, но напротив того, потеряли по всей линии, погубив и наш престиж, и многие миллионы рублей, и даже драгоценную кровь русских солдат, предательски умерщвленных и, в угоду Англии, даже не отомщенных.

Но наиболее отрицательные последствия сближения с Англией, – а следовательно и коренного расхождения с Германией, – сказались на ближнем Востоке. Как известно, еще Бисмарку принадлежала крылатая фраза о том, что для Германии Балканский вопрос не стоит костей одного померанского гренадера. Впоследствии Балканские осложнения стали привлекать несравненно большее внимание германской дипломатии, взявшей под свою защиту «больного человека», но, во всяком случае, и тогда Германия долго не обнаруживала склонности из-за Балканских дел рисковать отношениями с Россией. Доказательства налицо. Ведь как легко было Австрии, в период русско-японской войны и последовавшей у нас смуты, осуществить заветные свои стремления на Балканском полуострове. Но Россия в то время не связала еще с Англией своей судьбы, и Австро-Венгрия вынуждена была упустить наиболее выгодный для ее целей момент.

Стоило, однако, нам стать на путь тесного сближения с Англией, как тотчас последовало присоединение Боснии и Герцеговины, которое так легко и безболезненно могло быть осуществлено в 1905 или 1906 году, затем возник вопрос Албанский и комбинация с принцем Видом. Русская дипломатия попробовала ответить на австрийские происки образованием Балканского союза, но эта комбинация, как и следовало ожидать, оказалась совершенно эфемерной. По идее направленная против Австрии, она сразу же обратилась против Турции и распалась на дележе захваченной у этой последней добычи. В результате получилось только окончательное прикрепление Турции к Германии, в которой она не без основания видит единственную свою покровительницу. Действительно, русско-английское сближение, очевидно, для Турции равносильно отказу Англии от традиционной ее политики закрытия для нас Дарданелл, а образование, под покровительством России, Балканского союза явилось прямой угрозой дальнейшему существованию Турции, как Европейского государства. Итак, англо-русское сближение ничего реально-полезного для нас до сего времени не принесло. В будущем оно неизбежно сулит нам вооруженное столкновение с Германией.

ОСНОВНЫЕ ГРУППИРОВКИ В ГРЯДУЩЕЙ ВОЙНЕ

В каких же условиях произойдет это столкновение и каковы окажутся его вероятные последствия? Основные группировки при будущей войне очевидны: это – Россия, Франция и Англия, с одной стороны, Германия, Австрия и Турция – с другой.

Более, чем вероятно, что примут участие в войне и другие державы, в зависимости от тех или других условий, при которых разразится война. Но послужит ли ближайшим поводом к войне новое столкновение противоположных интересов на Балканах, или же колониальный инцидент вроде Алжезирасского, основная группировка останется все та же. Италия, при сколько-нибудь правильно понятых своих интересах, на стороне Германии не выступит.

В силу политических и экономических причин, она, несомненно, стремится к расширению нынешней своей территории. Это расширение может быть достигнуто только за счет Австрии, с одной, и Турции, с другой стороны. Естественно, поэтому, что Италия не выступит на той стороне, которая обеспечивает территориальную целостность государства, за счет которых она желала бы осуществить свои стремления. Более того не исключена, казалось бы, возможность выступления Италии на стороне противогерманской коалиции, если бы жребий войны склонился в ее пользу, в видах обеспечения себе наиболее выгодных условий участия в последующем дележе. В этом отношении позиция Италии сходится с вероятною позицией Румынии, которая, надо полагать, останется нейтральной, пока весы счастья не склонятся на ту или другую сторону. Тогда она, руководствуясь здоровым политическим эгоизмом, примкнет к победителям, чтобы быть вознагражденною либо за счет России, либо за счет Австрии. Из других Балканских государств, Сербия и Черногория, несомненно, выступят на стороне, противной Австрии, а Болгария и Албания, – если к тому времени не образует хотя бы эмбриона государства, – на стороне, противной Сербии. Греция, по всей вероятности, останется нейтральной или выступит на стороне, противной Турции, но лишь тогда, когда исход будет более или менее предрешен.

Участие других государств явится случайным, при чем следует опасаться Швеции, само собою разумеется в рядах наших противников. При таких условиях борьба с Германией представляет для нас огромные трудности и потребует неисчислимых жертв. Война не застанет противника врасплох и степень его готовности вероятно превзойдет самые преувеличенные наши ожидания. Не следует думать, чтобы эта готовность проистекала из стремления самой Германии к войне. Война ей не нужна, коль скоро она и без нее могла бы достичь своей цели – прекращения единоличного владычества над морями. Но раз эта жизненная для нее цель встречает противодействие со стороны коалиции, то Германия не отступит перед войною и, конечно, постарается даже ее вызвать, выбрав наиболее выгодный для себя момент.

ГЛАВНАЯ ТЯЖЕСТЬ ВОЙНЫ ВЫПАДЕТ НА ДОЛЮ РОССИИ

Главная тяжесть войны, несомненно, выпадет на нашу долю, так как Англия к принятию широкого участия в континентальной войне едва ли способна, а Франция, бедная людским материалом, при тех

колоссальных потерях, которыми будет сопровождаться война при современных условиях военной техники, вероятно, будет придерживаться строго оборонительной тактики. Роль тарана, пробивающего самую толщу немецкой обороны, достанется нам, а между тем сколько факторов будет против нас и сколько на них нам придется потратить сил, и внимания.

Из числа этих неблагоприятных факторов следует исключить Дальний Восток. Америка и Япония, первая по существу, а вторая в силу современной политической своей ориентации, обе враждебны Германии, и ждать от них выступления на ее стороне нет основания. К тому же война, независимо даже от ее исхода, ослабит Россию и отвлечет ее внимание на Запад, что, конечно, отвечает японским и американским интересам.

Поэтому тыл наш со стороны Дальнего Востока достаточно обеспечен и, самое большее, с нас за благожелательный нейтралитет сорвут какие-нибудь уступки экономического характера. Более того, не исключена возможность выступления Америки или Японии на противной Германии стороне, но, конечно, только в качестве захватчиков тех или других, плохо лежащих германских колоний. Зато несомненен взрыв вражды против нас в Персии, вероятные волнения среди мусульман на Кавказе и в Туркестане, не исключена возможность выступления против нас, в связи с последними, Афганистана, наконец, следует предвидеть весьма неприятные осложнения в Польше и в Финляндии. В последней неминуемо вспыхнет восстание, если Швеция окажется в числе наших противников. Что же касается Польши, то следует ожидать, что мы не будем в состоянии во время войны удерживать ее в наших руках. И вот, когда она окажется во власти противников, ими, несомненно, будет сделана попытка вызвать восстание, в существе для нас и не очень опасное, но которое все же придется учитывать в числе неблагоприятных для нас факторов, тем более, что влияние наших союзников может побудить нас на такие шаги в области наших с Польшей взаимоотношений, которые опаснее для нас всякого открытого восстания.

Готовы ли мы к столь упорной борьбе, которою, несомненно, окажется будущая война европейских народов? На этот вопрос приходится, не обинуясь, ответить отрицательно. Менее чем кто-либо, я склонен отрицать то многое, что сделано для нашей обороны со времени японской войны. Несомненно, однако, что это многое является недостаточным при тех невиданных размерах, в которых неизбежно будет протекать будущая война. В этой недостаточности, в значительной мере, виноваты наши молодые законодательные учреждения, дилетантски интересовавшие нашу оборону, но далеко не проникшие всей серьезностью политического положения, складывающегося под влиянием ориентации, которой, при сочувственном отношении общества, придерживалось за последние годы наше министерство иностранных дел.

Доказательством этого служит огромное количество остающихся нерассмотренными законопроектов военного и морского ведомств и, в частности, представленный в Думу еще при статс-секретаре

Столыпине план организации нашей государственной обороны. Бесспорно, в области обучения войск мы, по отзывам специалистов, достигли существенного улучшения по сравнению с временем, предшествовавшим японской войне. По отзывам тех же специалистов, наша полевая артиллерия не оставляет желать лучшего: ружье вполне удовлетворительно, снаряжение удобно и практично. Но бесспорно также, что в организации нашей обороны есть и существенные недочеты.

В этом отношении нужно, прежде всего, отметить недостаточность наших военных запасов, что, конечно, не может быть поставлено в вину военному ведомству, так как намеченные заготовительные планы далеко еще не выполнены полностью из-за малой производительности наших заводов. Эта недостаточность огневых запасов имеет тем большее значение, что, при зачаточном состоянии нашей промышленности, мы во время войны не будем иметь возможности домашними средствами восполнить выяснившиеся нехватки, а между тем с закрытием для нас как Балтийского, так и Черного морей, – ввоз недостающих нам предметов обороны из-за границы окажется невозможным.

Далее неблагоприятным для нашей обороны обстоятельством является вообще чрезмерная ее зависимость от иностранной промышленности, что, в связи с отмеченным уже прекращением сколько-нибудь удобных заграничных сообщений, создаст ряд трудноодолимых затруднений. Далеко недостаточно количество имеющейся у нас тяжелой артиллерии, значение которой доказано опытом японской войны, мало пулеметов. К организации нашей крепостной обороны почти не приступлено, и даже защищающая подступ к столице Ревельская крепость еще не закончена.

Сеть стратегических железных дорог недостаточна, и железные дороги обладают подвижным составом, быть может, достаточным для нормального движения, но несоответствующим тем колоссальным требованиям, которые будут пред'явлены к нам в случае европейской войны. Наконец, не следует упускать из вида, что в предстоящей войне будут бороться наиболее культурные, технически развитые нации. Всякая война неизменно сопровождалась доселе новым словом в области военной техники, а техническая отсталость нашей промышленности не создает благоприятных условий для усвоения нами новых изобретений.

ЖИЗНЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ ГЕРМАНИИ И РОССИИ НИГДЕ НЕ СТАЛКИВАЮТСЯ

Все эти факторы едва ли принимаются к должному учету нашей дипломатией, поведение которой, по отношению к Германии, не лишено, до известной степени, даже некоторой агрессивности, могущей чрезмерно приблизить момент вооруженного столкновения с Германией, при английской

ориентации, в сущности неизбежного. Верна ли, однако, эта ориентация и обещает ли нам даже благоприятный период войны такие выгоды, которые искупили бы все трудности и жертвы, неизбежные при исключительной по вероятной своей напряженности войны?

Жизненные интересы России и Германии нигде не сталкиваются и дают полное основание для мирного сожительства этих двух государств. Будущее Германии на морях, то есть там, где у России, по существу наиболее континентальной из всех великих держав, нет никаких интересов. Заморских колоний у нас нет и, вероятно, никогда не будет, а сообщение между различными частями империи легче сухим путем, нежели морем. Избытка населения, требующего расширения территории, у нас не ощущается, но даже с точки зрения новых завоеваний, что может дать нам победа над Германией? Познань, Восточную Пруссию? Но зачем нам эти области, густо населенные поляками, когда и с русскими поляками нам не так легко управляться. Зачем оживлять центробежные стремления, не заглушенные по сию пору в Привислинском крае, привлечением в состав Российского государства беспокойных познанских и восточно-пруссских поляков, национальных требований которых не в силах заглушить и более твердая, нежели русская, германская власть?

Совершенно то же и в отношении Галиции. Нам явно невыгодно, во имя идеи национального сентиментализма, присоединять к нашему отечеству область, потерявшую с ним всякую живую связь. Ведь на ничтожную горсть русских по духу галичан, сколько мы получим поляков, евреев, украинизированных униатов? Так называемое украинское или мазепинское движение сейчас у нас не страшно, но не следует давать ему разрастаться, увеличивая число беспокойных украинских элементов, так как в этом движении несомненный зародыш крайне опасного малороссийского сепаратизма, при благоприятных условиях могущего достигнуть совершенно неожиданных размеров. Очевидная цель, преследуемая нашей дипломатией при сближении с Англией – открытие проливов, но, думается, достижение этой цели едва ли требует войны с Германией. Ведь Англия, а совсем не Германия, закрывала нам выход из Черного моря. Не заручившись ли содействием этой последней, мы избавились в 1871 году от унижительных ограничений, наложенных на нас Англией по Парижскому договору?

И есть полное основание рассчитывать, что немцы легче, чем англичане, пошли бы на предоставление нам проливов, в судьбе которых они мало заинтересованы и ценою которых охотно купили бы наш союз.

Не следует к тому же питать преувеличенных ожиданий от занятия нами проливов. Приобретение их для нас выгодно лишь постольку, поскольку ими закрывается вход в Черное море, которое становится с той поры для нас внутренним морем, безопасным от вражеских нападений.

Выхода же в открытое море проливы нам не дают, так как за ними идет море, почти сплошь состоящее из территориальных вод, море, усеянное множеством островов, где, например, английскому флоту ничего не стоит фактически закрыть для нас все входы и выходы, независимо от проливов. Поэтому Россия смело могла бы приветствовать такую комбинацию, которая, не передавая непосредственно в наши руки проливов, обеспечила бы нас от прорыва в Черное море неприятельского флота. Такая комбинация, при благоприятных обстоятельствах вполне достижимая без всякой войны, обладает еще и тем преимуществом, что она не нарушила бы интересов Балканских государств, которые не без тревоги и вполне понятного ревнивого чувства отнеслись бы к захвату нами проливов.

В Закавказье мы, в результате войны, могли бы территориально расширяться лишь за счет населенных армянами областей, что, при революционности современных армянских настроений и мечтаниях о великой Армении, едва ли желательно, и в чем, конечно, Германия еще меньше, чем Англия, стала бы нам препятствовать, будь мы с нею в союзе. Действительно же полезные для нас и территориальные, и экономические приобретения доступны лишь там, где наши стремления могут встретить препятствия со стороны Англии, а отнюдь не Германии. Персия, Памир, Кульджа, Кашгария, Джунгария, Монголия, Урянхайский край – все это местности, где интересы России и Германии не сталкиваются, а интересы России и Англии сталкивались неоднократно.

Совершенно в том же положении по отношению к России находится и Германия, которая, равным образом, могла бы отторгнуть от нас, в случае успешной войны, лишь малоценные для нее области, по своей населенности мало пригодные для колонизации: Привислинский край, с польско-литовским, и Остзейские губернии с латышско-эстонским, одинаково беспокойным и враждебным к немцам населением.

В ОБЛАСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РУССКИЕ ПОЛЬЗЫ И НУЖДЫ НЕ ПРОТИВОРЕЧАТ ГЕРМАНСКИМ

Но могут возразить, территориальные приобретения, при современных условиях жизни народов, отступают на второй план и на первое место выдвигаются экономические интересы. Однако и в этой области русские пользы и нужды едва ли настолько, как это принято думать, противоречат германским. Не подлежит, конечно, сомнению, что действующие русско-германские торговые договоры невыгодны для нашего сельского хозяйства и выгодны для германского, но едва ли правильно приписывать это обстоятельство коварству и недружелюбию Германии.

Не следует упускать из вида, что эти договоры, во многих своих частях выгодны для нас. Заключавшие

в свое время договоры русские делегаты были убежденными сторонниками развития русской промышленности какую бы то ни было ценою и, несомненно, сознательно жертвовали, хотя бы отчасти, интересами русского земледелия в пользу интересов русской промышленности. Далее не надо упускать из вида, что Германия сама далеко не является прямым потребителем большей части предметов заграничного отпуска нашего сельского хозяйства. Для большей части произведений нашей земледельческой промышленности Германия является только посредником, а следовательно, от нас и от потребляющих рынков зависит войти в непосредственные сношения и тем избежать дорого стоящего германского посредничества. Наконец, необходимо принять в соображение, что условия торговых взаимоотношений могут изменяться в зависимости от условий политического сожительства договаривающихся государств, так как ни одной стране невыгодно экономическое ослабление союзника, а напротив выгодно разорение политического противника. Словом, хотя несомненно, что действующие русско-германские торговые договоры для нас невыгодны и что Германия, при заключении их, использовала удачно сложившуюся для нее обстановку, то есть попросту прижала нас, но поведение это не может учитываться как враждебное и является заслуживающим подражания и с нашей стороны актом здорового национального эгоизма, которого нельзя было от Германии не ожидать и с которым надлежало считаться. Во всяком случае мы на примере Австро-Венгрии видим земледельческую страну, находящуюся в несравненно большей, нежели мы, экономической зависимости от Германии, что, однако, не препятствует ей достигнуть в области сельского хозяйства такого развития, о котором мы можем только мечтать.

В силу всего изложенного заключение с Германией вполне приемлемого для России торгового договора, казалось бы, отнюдь не требует предварительного разгрома Германии. Вполне достаточно добрососедских с нею отношений, вдумчивого взвешивания действительных наших экономических интересов в различных отраслях народного хозяйства и долгой упорной торговли с германскими делегатами, несомненно, призванными охранять интересы своего, а не нашего отечества. Скажу более, разгром Германии в области нашего с нею товарообмена был бы для нас невыгодным.

Разгром ее, несомненно, завершился бы миром, продиктованным с точки зрения экономических интересов Англии. Эта последняя использует выпавший на ее долю успех до самых крайних пределов, и тогда мы в разоренной и утратившей морские пути Германии только потеряем все же ценный для нас потребительский рынок для своих, не находящихся другого сбыта продуктов.

В отношении к экономическому будущему Германии интересы России и Англии прямо противоположны друг другу.

Англии выгодно убить германскую морскую торговлю и промышленность Германии, обратив ее в бедную, по возможности, земледельческую страну. Нам выгодно, чтобы Германия развила свою морскую торговлю и обслуживаемую ею промышленность в целях снабжения отдаленнейших

мировых рынков и в то же время открыла бы внутренний рынок произведениям нашего сельского хозяйства для снабжения многочисленного своего рабочего населения.

Но, независимо от торговых договоров, обычно принято указывать на гнет немецкого засилья в русской экономической жизни, и на систематическое внедрение к нам немецкой колонизации, представляющей будто бы явную опасность для русского государства. Думается, однако, что такого рода опасения в значительной мере преувеличены. Пресловутый *Drang nach Osten* был в свое время естественен и понятен, раз территория Германии не вмещала возросшего населения, избыток которого и вытеснялся в сторону наименьшего сопротивления, т.-е. в менее густо населенную, соседнюю страну.

Германское правительство вынуждено было считаться с неизбежностью этого движения, но само едва ли могло признавать его отвечающим своим интересам. Ведь как никак, из сферы германской государственности уходили германские люди, сокращая тем живую силу своей страны. Конечно, германское правительство, употребляя все усилия, чтобы сохранить связь переселенцев со своим прежним отечеством, пошло даже на столь оригинальный прием, как допущение двойного подданства. Но несомненно, однако, что значительная часть германских выходцев все же окончательно и бесповоротно оседала на своем новом месте и постепенно порывала с прежнюю родину. Это обстоятельство, явно не соответствующее государственным интересам Германии, очевидно, и явилось одним из побудительных для нее стимулов стать на путь столь чуждых ей прежде колониальной политики и морской торговли.

И вот, по мере умножения германских колоний и тесно связанного с тем развития германской промышленности и морской торговли, немецкая колониальная волна идет на убыль, и недалек тот день, когда *Drang nach Osten* отойдет в область исторических воспоминаний. Во всяком случае, немецкая колонизация, несомненно, противоречащая нашим государственным интересам, должна быть прекращена, и в этом дружественные отношения с Германией нам не помеха. Высказываться за предпочтительность германской ориентации не значит стоять за вассальную зависимость России от Германии, и, поддерживая дружественную, добрососедскую с нею связь, мы не должны приносить в жертву этой цели наших государственных интересов. Да и Германия не будет возражать против борьбы с дальнейшим наплывом в Россию немецких колонистов. Ей самой выгоднее направить волну переселения в свои колонии. К тому же даже и тогда, когда этих последних не было, и германская промышленность не обеспечивала еще заработка всему населению, оно все-таки не считало себя в праве протестовать против принятых в царствование Александра III ограничительных мер по отношению к иностранной колонизации. Что же касается немецкого засилья в области нашей экономической жизни, то едва ли это явление вызывает те нарекания, которые обычно против него раздаются. Россия слишком бедна и капиталами, и промышленною предприимчивостью, чтобы могла обойтись без широкого притока иностранных капиталов. Поэтому известная зависимость от того или другого иностранного капитала неизбежна для нас до тех пор, пока промышленная предприимчивость и материальные средства населения не разовьются настолько, что дадут

возможность совершенно отказаться от услуг иностранных предпринимателей и их денег. Но, пока мы в них нуждаемся, немецкий капитал выгоднее для нас, чем всякий другой.

Прежде всего этот капитал из всех наиболее дешевый, как довольствующийся наименьшим процентом предпринимательской прибыли. Этим в значительной мере и объясняется сравнительная дешевизна немецких произведений и постепенное вытеснение ими английских товаров с мирового рынка. Меньшая требовательность в смысле рентабельности немецкого капитала имеет своим последствием то, что он идет на такие предприятия, в которые, по сравнительной их малой доходности, другие иностранные капиталы не идут. Вследствие той же относительной дешевизны немецкого капитала, прилив его в Россию влечет за собой отлив из России меньших сумм предпринимательских барышей по сравнению с английским и французским и, таким образом, большее количество русских рублей остается в России. Мало того, значительная доля прибылей, получаемых на вложенные в русскую промышленность германские капиталы, и вовсе от нас не уходит, а проживается в России.

В отличие от английских или французских, германские капиталисты большей частью, вместе со своими капиталами, и сами переезжают в Россию. Этим их свойством в значительной степени и объясняется поражающая нас многочисленность немцев-промышленников, заводчиков и фабрикантов, по сравнению с англичанами и французами.

Те сидят себе за границей, до последней копейки выбирая из России вырабатываемые их предприятиями барыши. Напротив того, немцы предприниматели подолгу проживают в России, а нередко там оседают навсегда. Что бы ни говорили, но немцы, в отличие от других иностранцев, скоро осваиваются в России и быстро русеют. Кто не видал, напр., французов и англичан, чуть не всю жизнь проживающих в России, и, однако, ни слова по-русски не говорящих? Напротив того, много ли видно немцев, которые бы хотя с акцентом, ломаным языком, но все же не объяснились по-русски? Мало того, кто не видал чисто русских людей, православных, до глубины души преданных русским государственным началам и, однако, всего в первом или во втором поколении происходящих от немецких выходцев? Наконец, не следует забывать, что Германия, до известной степени, и сама заинтересована в экономическом нашем благосостоянии. В этом отношении Германия выгодно отличается от других государств, заинтересованных исключительно в получении возможно большей ренты на затраченные в России капиталы, хотя бы ценою экономического разорения страны. Напротив того, Германия в качестве постоянного – хотя разумеется и не бескорыстного – посредника в нашей внешней торговле заинтересована в поддержании производительных сил нашей родины, как источника выгодных для нее посреднических операций.

ДАЖЕ ПОБЕДА НАД ГЕРМАНИЕЙ СУЛИТ РОССИИ КРАЙНЕ НЕБЛАГОПРИЯТНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Во всяком случае, если даже признать необходимость искоренения немецкого засилья в области нашей экономической жизни, хотя бы ценою совершенного изгнания немецкого капитала из русской промышленности, то соответствующие мероприятия, казалось бы, могут быть осуществлены и помимо войны с Германией. Эта война потребует таких огромных расходов, которые во много раз превысят более чем сомнительные выгоды, полученные нами вследствие избавления от немецкого засилья. Мало того, последствием этой войны окажется такое экономическое положение, перед которым гнет германского капитала покажется легким.

Ведь не подлежит сомнению, что война потребует расходов, превышающих ограниченные финансовые ресурсы России. Придется обратиться к кредиту союзных и нейтральных государств, а он будет оказан не даром. Не стоит даже говорить о том, что случится, если война окончится для нас неудачно. Финансово-экономические последствия поражения не поддаются ни учету, ни даже предвидению и, без сомнения, отразятся полным развалом всего нашего народного хозяйства. Но даже победа сулит нам крайне неблагоприятные финансовые перспективы: вконец разоренная Германия не будет в состоянии возместить нам понесенные издержки. Продиктованный в интересах Англии мирный договор не даст ей возможности экономически оправиться настолько, чтобы даже впоследствии покрыть наши военные расходы. То немного, что может быть урвать с нее, придется делить с союзниками, и на нашу долю придутся ничтожные, по сравнению с военными издержками, крохи. А между тем военные займы придется платить не без нажима со стороны союзников. Ведь, после крушения германского могущества, мы уже более не будем им нужны. Мало того, возросшая вследствие победы, политическая наша мощь побудит их ослабить нас хотя бы экономически. И вот неизбежно, даже после победоносного окончания войны, мы попадем в такую же финансовую экономическую кабалу к нашим кредиторам, по сравнению с которой наша теперешняя зависимость от германского капитала покажется идеалом. Как бы печально, однако, ни складывались экономические перспективы, открывающиеся нам как результат союза с Англией, следовательно и войны с Германией, – они все же отступают на второй план перед политическими последствиями этого по существу своему противоестественного союза.

БОРЬБА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ ГЛУБОКО НЕЖЕЛАТЕЛЬНА ДЛЯ ОБЕИХ СТОРОН, КАК СВОДЯЩАЯСЯ К ОСЛАБЛЕНИЮ МОНАРХИЧЕСКОГО НАЧАЛА

Не следует упускать из вида, что Россия и Германия являются представительницами консервативного начала в цивилизованном мире, противоположного началу демократическому, воплощаемому Англией и, в несравненно меньшей степени, Францией. Как это ни странно, Англия, до мозга костей монархическая и консервативная дома, всегда во внешних своих сношениях выступала в качестве покровительницы самых демагогических стремлений, неизменно потворствуя всем народным

движениям, направленным к ослаблению монархического начала.

С этой точки зрения борьба между Германией и Россией, независимо от ее исхода, глубоко нежелательна для обеих сторон, как, несомненно, сводящаяся к ослаблению мирового консервативного начала, единственным надежным оплотом которого являются названные две великие державы. Более того, нельзя не предвидеть, что, при исключительных условиях надвигающейся общеевропейской войны, таковая, опять-таки независимо от ее исхода, представит смертельную опасность и для России, и для Германии. По глубокому убеждению, основанному на тщательном многолетнем изучении всех современных противогосударственных течений, в побежденной стране неминуемо разразится социальная революция, которая, силою вещей, перекинется и в страну-победительницу.

Слишком уж многочисленны те каналы, которыми, за много лет мирного сожительства, незримо соединены обе страны, чтобы коренные социальные потрясения, разыгравшиеся в одной из них, не отразились бы и в другой. Что эти потрясения будут носить именно социальный, а не политический характер, – в этом не может быть никаких сомнений, и это не только в отношении России, но и в отношении Германии. Особенно благоприятную почву для социальных потрясений представляет, конечно, Россия, где народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма. Несмотря на оппозиционность русского общества, столь же бессознательную, как и социализм широких слоев населения, политическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение неизбежно вырождается социалистическое. За нашей оппозицией нет никого, у нее нет поддержки в народе, не видящем никакой разницы между правительственным чиновником и интеллигентом. Русский простолюдин, крестьянин и рабочий одинаково не ищет политических прав, ему и ненужных, и непонятных.

Крестьянин мечтает о даровом наделении его чужою землею, рабочий – о передаче ему всего капитала и прибылей фабриканта, и дальше этого их вождения не идут. И стоит только широко кинуть эти лозунги в население, стоит только правительственной власти безвозбранно допустить агитацию в этом направлении, – Россия, несомненно, будет ввергнута в анархию, пережитую ею в приснопамятный период смуты 1905 – 1906 годов. Война с Германией создаст исключительно благоприятные условия для такой агитации. Как уже было отмечено, война эта чревата для нас огромными трудностями и не может оказаться триумфальным шествием в Берлин. Неизбежны и военные неудачи, – будем надеяться, частичные, – неизбежными окажутся и те или другие недочеты в нашем снабжении. При исключительной нервности нашего общества, этим обстоятельствам будет придано преувеличенное значение, а при оппозиционности этого общества, все будет поставлено в вину правительству.

Хорошо, если это последнее не сдастся и стойко заявит, что во время войны никакая критика

государственной власти не допустима и решительно пресечет всякие оппозиционные выступления. При отсутствии у оппозиции серьезных корней в населении, этим дело и кончится. Не пошел в свое время и народ за составителями Выборгского воззвания, точно так же не пойдет он за ними и теперь.

Но может случиться и худшее: правительственная власть пойдет на уступки, попробует войти в соглашение с оппозицией и этим ослабит себя к моменту выступления социалистических элементов. Хотя и звучит парадоксом, но соглашение с оппозицией в России безусловно ослабляет правительство. Дело в том, что наша оппозиция не хочет считаться с тем, что никакой реальной силы она не представляет. Русская оппозиция сплошь интеллигентна, и в этом ее слабость, так как между интеллигенцией и народом у нас глубокая пропасть взаимного непонимания и недоверия. Необходим искусственный выборный закон, мало того, нужно еще и прямое воздействие правительственной власти, чтобы обеспечить избрание в Гос. Думу даже наиболее горячих защитников прав народных. Откажи им правительство в поддержке, предоставь выборы их естественному течению, – и законодательные учреждения не увидели бы в самых стенах ни одного интеллигента, помимо нескольких агитаторов-демагогов. Как бы ни распинались о народном доверии к ним члены наших законодательных учреждений, крестьянин скорее поверит безземельному казенному чиновнику, чем помещику-октябристу, заседающему в Думе; рабочий с большим доверием отнесется к живущему на жалование фабричному инспектору, чем к фабриканту-законодателю, хотя бы тот исповедывал все принципы кадетской партии.

Более, чем странно при таких условиях требовать от правительственной власти, чтобы она серьезно считалась с оппозицией, ради нее отказалась от роли беспристрастного регулятора социальных отношений и выступила перед широкими народными массами в качестве послушного органа классовых стремлений интеллигентно-имущего меньшинства населения. Требуя от правительственной власти ответственности перед классовым представительством и повиновения ей же искусственно созданному парламенту (вспомним знаменитое изречение В.Набокова: «Власть исполнительная да подчинится власти законодательной!»), наша оппозиция, в сущности, требует от правительства психологию дикаря, собственными руками мастеращего идола и затем с трепетом ему поклоняющегося.

РОССИЯ БУДЕТ ВВЕРГНУТА В БЕСПРОСВЕТНУЮ АНАРХИЮ, ИСХОД КОТОРОЙ ТРУДНО ПРЕДВИДЕТЬ

Если война окончится победоносно, усмирение социалистического движения в конце концов не представит неопреодолимых затруднений. Будут аграрные волнения на почве агитации за необходимость вознаграждения солдат дополнительной нарезкой земли, будут рабочие беспорядки при переходе от вероятно повышенных заработков военного времени к нормальным расценкам – и,

надо надеяться, только этим и ограничится, пока не докатится до нас волна германской социальной революции. Но в случае неудачи, возможность которой, при борьбе с таким противником, как Германия, нельзя не предвидеть, – социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна.

Как уже было указано, начнется с того, что все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала черный передел, а затем и общий раздел всех ценностей и имуществ. Победенная армия, лишившаяся, к тому же, за время войны наиболее надежного кадрового своего состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдерживать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению.

ГЕРМАНИИ, В СЛУЧАЕ ПОРАЖЕНИЯ, ПРЕДСТОИТ ПЕРЕЖИТЬ НЕМЕНЬШИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОТЯСЕНИЯ, ЧЕМ РОССИИ

Как это ни странно может показаться на первый взгляд, при исключительной уравновешенности германской природы, но и Германии, в случае поражения, предстоит пережить неменьшие социальные потрясения. Слишком уж тяжело отразится на населении неудачная война, чтобы последствия ее не вызвали на поверхность глубоко скрытые сейчас разрушительные стремления. Своеобразный общественный строй современной Германии построен на фактически преобладающем влиянии аграриев, прусского юнкерства и крестьян-собственников.

Эти элементы являются оплотом глубоко консервативного строя Германии, под главенствующим руководством Пруссии. Жизненные интересы перечисленных классов требуют покровительственной по отношению к сельскому хозяйству экономической политики, ввозных пошлин на хлеб и, следовательно, высоких цен на все сельскохозяйственные произведения. Но Германия, при ограниченности своей территории и возросшем населении, давно уже из страны земледельческой превратилась в страну промышленную, а потому покровительство сельскому хозяйству сводится, в сущности, к обложению в пользу меньшей по численности половины населения большей половины. Компенсацией для этого большинства и является широкое развитие вывоза произведений германской промышленности на отдаленнейшие рынки, дабы извлекаемые этим путем выгоды давали возможность промышленникам и рабочему населению оплачивать

повышенные цены на потребляемые дома продукты сельского хозяйства.

С разгромом Германии она лишится мировых рынков и морской торговли, ибо цель войны, – со стороны действительного ее зачинщика Англии, – это уничтожение германской конкуренции. С достижением этого лишены не только повышенного, но и всякого заработка, пострадавшие во время войны, и, естественно, озлобленные рабочие массы явятся восприимчивой почвой противоаграрной, а затем и антисоциальной пропаганды социалистических партий.

В свою очередь, эти последние, учитывая оскорбленное патриотическое чувство и накопившееся вследствие проигранной войны народное раздражение против обманувших надежды населения милитаризма и феодально-бюргерского строя, свернут с пути мирной революции, на котором они до сих пор так стойко держались, и станут на чисто революционный путь. Сыграет свою роль, в особенности в случае социалистических выступлений на аграрной почве в соседней России, и многочисленный в Германии безземельный класс сельскохозяйственных батраков. Независимо от сего оживятся таящиеся сейчас сепаратистские стремления в южной Германии, проявятся во всей своей полноте затаенная враждебность Баварии к господству Пруссии, словом, создастся такая обстановка, которая мало чем будет уступать, по своей напряженности, обстановке в России.

МИРНОМУ СОЖИТЕЛЬСТВУ КУЛЬТУРНЫХ НАЦИЙ БОЛЕЕ ВСЕГО УГРОЖАЕТ СТРЕМЛЕНИЕ АНГЛИИ УДЕРЖАТЬ УСКОЛЬЗАЮЩЕЕ ОТ НЕЕ ГОСПОДСТВО НАД МОРЯМИ

Совокупность всего вышеизложенного не может не приводить к заключению, что сближение с Англией никаких благ нам не сулит, и английская ориентация нашей дипломатии по своему существу глубоко ошибочна. С Англией нам не по пути, она должна быть предоставлена своей судьбе, и ссориться из-за нее с Германией нам не приходится.

Тройственное согласие – комбинация искусственная, не имеющая под собой почвы интересов, и будущее принадлежит не ей, а несравненно более жизненному тесному сближению России, Германии, примиренной с последнею Францией и связанной с Россией строго оборонительным союзом Японии. Такая лишенная всякой агрессивности по отношению к прочим государствам, политическая комбинация на долгие годы обеспечит мирное сожительство культурных наций, которому угрожают не воинственные замыслы Германии, как силится доказать английская дипломатия, а лишь вполне естественное стремление Англии во что бы то ни стало удержать ускользающее от нее господство над морями. В этом направлении, а не в бесплодных исканиях почвы для противоречащего самым своим существом нашим государственным видам и целям соглашения с

Англией, и должны быть сосредоточены все усилия нашей дипломатии.

При этом, само собой разумеется, что и Германия должна пойти навстречу нашим стремлениям восстановить испытанные дружественно-союзные с нею отношения и выработать, по ближайшему соглашению с нами такие условия нашего с нею сожительства, которые не давали бы почвы для противогерманской агитации со стороны наших конституционно-либеральных партий, по самой своей природе вынужденных придерживаться не консервативно-германской, а либерально-английской ориентации.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДУРНОВО Петр Николаевич (23.11.1842-11.09.1915), статс-секретарь, действительный тайный советник, правый государственный деятель, министр внутренних дел, лидер правой группы Государственного Совета.

Родился в многодетной семье, представитель старинного дворянского рода. Отец Николай Сергеевич Дурново – Олонецкий вице-губернатор, мать – Вера Петровна Львова – племянница адмирала М.П.Лазарева. Жена – Екатерина Григорьевна Акимова (сестра будущего председателя Гос. Совета М.Г.Акимова). Дети: Петр (р. 1883) и Надежда (р. 1886). Окончил Морской кадетский корпус (1860), гардемаринном поступил на флот. Через 2 года был произведен в мичманы, около 8 лет провел в дальних плаваниях, участвовал в походах по Тихому и Атлантическому океанам и Средиземному морю. В чине лейтенанта окончил Александровскую Военно-юридическую академию (1870), причислен к Военно-морскому судебному управлению и назначен помощником прокурора при Кронштадтском военно-морском суде.

В 1872 перешел на службу в Министерство юстиции, назначен тов. прокурора Владимирского окружного суда. В 1873 переведен на аналогичную должность в Москву. С авг. 1875 прокурор Рыбинского, с нояб. 1875 Владимирского окружного суда. С июня 1880 тов. прокурора Киевской судебной палаты. В окт. 1881 стал управляющим судебным отделением Департамента государственной полиции МВД, а с 1883 вице-директором Департамента полиции, являясь ближайшим сподвижником В.К.Плеве. В 1884 командирован за границу для ознакомления с устройством полиции в многолюдных городах Западной Европы. По возвращении представил министру внутренних дел доклад, в котором проанализировал деятельность полиции в Париже, Берлине, Вене, рассмотрел способы надзора за антигосударственными элементами, показав возможности их использования в России. В июле 1884 назначен директором Департамента полиции, занимал пост при министрах Д.А.Толстом и И.Н.Дурново (дальний родственник). В этой должности добился существенного расширения прав полиции для борьбы с антигосударственными элементами. В 1893 в результате скандала с обыском квартиры бразильского дипломата для поиска улик против своей любовницы вынужден был выйти в отставку. Назначен сенатором, в Сенате боролся против попыток либеральных местных властей отменить или изменить законы о черте оседлости. С февр.

1900 по окт. 1905 – тов. министра внутренних дел при Д.С.Сипягине, В.К.Плеве, П.Д.Святополк-Мирском и А.Г.Булыгине. В этой должности председательствовал в Попечительстве о домах трудолюбия и работных домах, состоял членом Главного попечительства детских приютов, с 1903 был главноуправляющим почт и телеграфа.

23 окт. 1905 назначен управляющим МВД в кабинете С.Ю.Витте, по желанию последнего. Витте рассчитывал, что Дурново сделает всю черную работу по подавлению революции и, будучи ему благодарным за назначение, станет помощником в интригах. Император Николай II, помня подмоченную репутацию Дурново, поначалу возражал против его назначения и согласился только при условии, что Дурново будет временно исполнять обязанности главы МВД. 30 окт. 1905 он стал членом Гос. Совета. Дурново был одним из тех, кто в критическое время к. 1905 – н. 1906 не растерялся и сумел принять меры по борьбе с анархией и революцией. Он произвел поворот к более энергичной внутренней политике. Он начал наводить порядок в министерстве, уволил губернаторов, мирволивших к революционерам. В одной из телеграмм губернаторам Дурново требовал: «Примите самые энергичные меры борьбы с революцией, не останавливайтесь ни перед чем. Помните! всю ответственность я беру на себя». Жесткими мерами ему удалось ликвидировать почтовую забастовку, восстановить порядок на железных дорогах. Были произведены энергичные действия в Москве. В н. дек. 1905 были арестованы участники советов рабочих депутатов Петербурга и др. городов, запрещено большое число революционных газет.

Одобрительно отнесся Дурново к созданию и активно поддерживал деятельность Союза Русского Народа, сам был членом Русского Собрания, надеясь, что право-монархические организации примут энергичное участие в борьбе с революцией, в оказании помощи органам правопорядка для восстановления спокойствия в государстве. Дурново был приговорен террористами к смерти, за ним велась настоящая охота. Однако террористка Т.Леонтьева 16 авг. 1906 убила в Интерлакене француза-путешественника Мюллера, приняв его за Дурново, попытки организовать теракт в России не удалось. В февр. 1906 он был утвержден Государем в должности министра внутренних дел, теперь уже вопреки возражениям Витте, который понял, что Дурново не станет играть в его игры. Более того, постоянный противник жестких мер против революционеров, которые применял Дурново, министр юстиции С.С.Манухин (креатура Витте) был заменен на М.Г.Акимова, с которым Дурново мог найти общий язык.

Перед самым открытием Государственной Думы, 22 апр. 1906 Дурново, вместе с остальными членами министерства Витте, вышел в отставку. Он был награжден денежной премией в размере 200 тыс. руб. с сохранением содержания министра. Оставшись членом Гос. Совета, он играл там активную роль, став в 1908 главой правой группы. Дурново полагал, что только существующий государственный аппарат сможет предохранить Империю от развала, что российское общество еще не достигло той степени зрелости, которая позволит ему создать собственные руководящие институты, что без государственного управления общество существовать не сможет. Вместе с тем он выступал против поспешного и неоправданного реформирования органов власти. В н. 1911 он выступил решительным противником проекта председателя Совета Министров П.А.Столыпина о введении земства в западных губерниях и способствовал его отклонению Гос. Советом. Все ожидали отставки Столыпина, но Государь после долгих раздумий решил пойти навстречу председателю правительства и 12 марта 1911 подписал указ о закрытии на 3 дня сессии Гос. Совета и Гос. Думы. В это время закон о земстве был проведен в порядке ст. 87. Дурново, вместе с другим активным и влиятельным противником

Столыпина, членом Гос. Совета В.Ф.Треповым, получил, без просьбы с их стороны, отпуск за границу, откуда он вернулся лишь после гибели Столыпина. По возвращении снова занял свое место председателя правой группы Гос. Совета.

Видный деятель монархического движения прот. Т.И.Буткевич так характеризовал Дурново: «Человек умный, несколько высокомерный, по внешнему виду – невзрачный: среднего роста, сутуловатый, лет ок. 70-ти; говорит хорошо, иногда остроумно, но не по-ораторски». Даже В.И.Гурко, редко кого позитивно оценивавший, писал о Дурново: «По природному уму, по ясному пониманию всего сложного комплекса обстоятельств времени, по врожденным административным способностям и, наконец, по твердому и решительному характеру П.Н.Дурново был, несомненно, головой выше лиц, занимавших ответственные должности в центральном управлении министерства. <...> Скажу больше, среди всех государственных деятелей той эпохи он выделялся и разносторонними знаниями, и независимостью суждений, и мужеством высказывать свое мнение, независимо от того, встречало ли оно сочувствие среди присутствующих или нет».

Видя нагнетание военной истерии, понимая, что определенные силы толкают Россию на путь войны с Германией, надеясь в конце концов уничтожить Самодержавие, Дурново в февр. 1914 составил записку на имя Государя, в которой предостерегал против войны с Германией и предсказывал победу революции, причем именно социалистической. Эта записка уникальна тем, что пророчества Дурново практически полностью сбылись. Словно провидя события февр. 1917, Дурново предостерегал правительство от уступок либеральным кругам. Он знал цену так называемому «обществу». Он понимал, что у оппозиции «нет поддержки в народе». Несмотря на фрондерство и помпезные заявления кадетов и октябристов, Дурново уверенно писал, что «политическая революция в России не возможна», что «всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое». Особенно замечательно то место из записки, где автор предсказывает логику развития революции: «Главная тяжесть войны выпадет на нашу долю. Роль тарана, пробивающего толщу немецкой обороны, достанется нам. Война эта чревата для нас огромными трудностями и не может оказаться триумфальным шествием на Берлин. Неизбежны и военные неудачи, ...неизбежными окажутся и те или другие недочеты в нашем снабжении. При исключительной нервности нашего общества, этим обстоятельствам будет придано преувеличенное значение. Начнется с того, что все неудачи будут приписывать правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него. В стране начнутся революционные выступления. Армия, лишившаяся наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные авторитета в глазах населения оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению». Вместо хрупкой и ненадежной конструкции Антанты Дурново предлагал более устойчивую геополитическую модель мировой безопасности. Будущее, утверждал он, принадлежит «более жизненному тесному сближению России, Германии, примиренной с последней Франции и связанной с Россией оборонительным союзом Японии». Только такая комбинация «на долгие годы обеспечит мирное сожителство культурных наций». Достоинно внимания, что Дурново, по сути, предлагал реализовать континентальную геополитическую модель, о чем как о великом открытии заговорили западные геополитики только спустя несколько лет. Недобросовестные историки

зачислили Дурново в ряды германофилов. На самом деле, как отмечал В.И.Гурко, он просто «любил Россию и болел о всех ее неудачах».

В 1915 ряд правых деятелей Гос. Думы (Н.Е.Марков, Г.Г.Замысловский и др.) и Гос. Совета, а также некоторые националисты (П.Н.Балашев и др.) предприняли попытку создать в противовес Прогрессивному блоку в Думе Консервативный блок. 11 авг. у Дурново состоялось совещание по этому поводу. На этом частном совещании его участники высказали уверенность, что только правое правительство может спасти Россию от наступающей революции. В качестве руководителя такого правительства называлась кандидатура И.Г.Щегловитова. Идея Консервативного блока была предметом обстоятельного обсуждения на Совещании монархистов 21-23 нояб. 1915 в Петрограде уже после кончины Дурново. Однако осуществить замысел так и не удалось, не в последнюю очередь из-за того, что со смертью Дурново у правых не стало признаваемого всеми лидера. Летом 1915 Дурново вынужден был оставить пост председателя правой группы из-за расстроившегося здоровья, но еще более из-за давления со стороны либералов (вместо него был избран более сговорчивый гр. А.А.Бобринский). В авг. 1915 с ним случился апоплексический удар, и через 3 недели беспомощности он скончался. Похоронен в усадьбе Трескино Сердобского у. Саратовской губ.

(Статья А.Д.Степанова из книги «Черная сотня. Историческая энциклопедия» (М., 2008).